

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЛИФЛЯНЦА. (*)

1790—1815.

IV.

Бородинскій бой.

25-е августа прошло тихо среди приготовлений къ отчаянному бою. Одушевление войскъ, желаніе сразиться на-смерть были неописанны. Кутузовъ показывался мало: Барклай, Багратионъ, Бенигсенъ и Толль заботились обо всемъ съ величайшею дѣятельностію.

26-го числа, въ шесть часовъ утра, раздался на правомъ французскомъ флангѣ громъ пушекъ и массы непріятеля пришли въ движеніе. Въ то же время, генераль Дельзонъ направился съ лѣваго фланга къ селу Бородину, занятому гвардейскими егерями. Барклай, между тѣмъ, взѣхалъ со своею свитою на возвышенность у деревни Горокъ и остановился близь расположенной здѣсь батареи. Густой туманъ носился еще надъ полемъ. Когда воздухъ нѣсколько очистился, Барклай, увидѣвъ наступленіе непріятельскихъ колоннъ къ Бородину, тотчасъ же сообщилъ опасность, грозившую гвардейскимъ егерямъ, и послалъ меня къ командиру полка, полковнику Бистрому, съ приказаніемъ отступить и разрушить за собою мостъ. Бистромъ немедленно приступилъ къ исполненію; но Дельзонъ уже ворвался по большой дорогѣ въ деревню, а другая колонна, до сихъ поръ закрытая туманомъ, двинулась по Колочѣ и тѣснила, на разстояніи близкаго ружейнаго выстрѣла, отступавшихъ по мосту егерей. Вскорѣ и наступавшая по большой дорогѣ колонна подошла къ мосту и залпами направила ружейный огонь

(*) См. № 6 „Военнаго Сборника“.

на мость. Неминуемымъ послѣдствіемъ этого были, съ нашей стороны, замѣшательство и столпленіе людей. Я находился въ самой срединѣ скученныхъ егерей и помню слишкомъ хорошо, что едва-ли какая французская пуля пролетѣла здѣсь даромъ. Храбрымъ лейбъ-егерямъ не оставалось ничего болѣе, какъ пробѣжать по равнинѣ къ небольшому оврагу, гдѣ они опять собрались подъ защиту четырехъ орудій и 1-го егерскаго полка, приведенныхъ полковникомъ Карпенко. Все дѣло продолжалось не болѣе десяти или пятнадцати минутъ, но могу засвидѣтельствовать, что до крайности были жарки эти четверть часа: гвардейскій егерскій полкъ потерялъ тридцать офицеровъ, выбывшихъ изъ строя, и половину людей.

Село Бородино осталось за французами; но съ этого момента оно утратило свое значеніе и перестало занимать мѣсто въ событіяхъ великой драмы дня. Барклай сказывалъ мнѣ потомъ, что Бородино, при своемъ открытомъ и неважномъ для боеваго порядка положеніи, было занято противъ его воли отборнымъ полкомъ и что достаточно было бы имѣть здѣсь простой наблюдательный постъ.

Выслушавъ мое донесеніе, Барклай оставилъ возвышенность у Горокъ и занялся сравнительнымъ обзоромъ диспозицій къ бою, приводившихся теперь въ исполненіе. Когда диспозиціи были вторично утверждены главнокомандующимъ, началась канонада съ усугубленнымъ ожесточеніемъ: пушечные выстрѣлы были такъ часты, что уподоблялись непрерывному ружейному огню, и справедливо говорили тогда: „здѣсь нѣтъ и пядени земли, на которой могъ бы укрыться трусъ“.

Было около девяти часовъ, когда Барклай, со свойственнымъ ему въ дни боя орлинымъ взглядомъ, замѣтилъ по направленію къ возвышавшемуся въ центрѣ редуту (названному, по занимавшему его корпусу Раевского, редутомъ Раевского) дымъ, облака пыли и толпы людей. Онъ послалъ меня узнать что тамъ происходило. Дорогой я встрѣтилъ поручика Варденбурга, адъютанта принца Георгія Ольденбургскаго, и какъ, по причинѣ отсутствія изъ арміи принца, онъ не имѣлъ опредѣленныхъ занятій, то я пригласилъ его съ собою на тотъ конецъ, чтобы, въ случаѣ если бы я былъ раненъ или убитъ, онъ могъ передать Барклаю требуемыя свѣдѣнія. Прискакавъ вмѣстѣ къ редуту Раевского, мы съ горестію увидѣли, что укрѣпленіе находилось уже въ рукахъ французовъ. Нельзя было

медяць ни минуты для отнятія его у неприятеля. Варденбургъ, посреди всеобщаго замѣшательства, обратилъ мое вниманіе на одинъ баталіонъ, стойко державшійся въ семидесяти строю вправо отъ горжи редута. Я спросилъ Варденбурга послѣднѣе къ Барклаю и доложить ему о случившемся; онъ самъ, подъѣхавъ къ командиру баталіона и назвавъ себя адъютантомъ начальника первой арміи, предложилъ отдать въ мое распоряженіе баталіонъ. Командиръ баталіона, принадлежавшаго къ Томскому полку, охотно согласился на мой вызовъ. Я повелъ людей на батарею съ опущенными штыками, но запретилъ кричать ура до тѣхъ поръ, пока не подамъ знака. Какъ кавалеристъ, непривыкшій водить пѣхоту въ атаку, я отъѣхалъ, на своемъ боевомъ чаломъ конѣ, шаговъ на пятьдесятъ отъ своей колонны. Въ эту минуту увидѣлъ меня генералъ Ермоловъ, который, съ храбрымъ Кутайсовымъ, Бикинымъ и многочисленнымъ штабомъ, приближался, съ лѣвой стороны, также съ однимъ баталіономъ (Уфимскаго полка). Люди этого баталіона, поровнявшись съ хвостомъ предвѣдимаго мною, грянули ура, но я все-таки не приказалъ своимъ слѣдовать ихъ примѣру, разсчитывая, что, при крутомъ подъемѣ на редутъ, лучше побережъ легкія солдаты. Ермоловъ одобрилъ мое мнѣніе, и только тогда, когда мы сошлись съ неприятелемъ лицомъ къ лицу, я скомандовалъ атаку въ штыки съ громкими криками ура. Атака была произведена стремительно; началась работа и штыками и прикладами. Французскій генералъ Бонами, съ 30-мъ пѣхотнымъ полкомъ, оборонялся отчаянно и получилъ отъ меня сабельный ударъ въ ту минуту, когда хотѣлъ выпрыгнуть изъ амбразуры; но въ этотъ же моментъ и я былъ раненъ пулею въ правую руку. Войска наши отняли редутъ, хотя и не безъ кровавыхъ усилій и тяжкихъ потерь: здѣсь палъ храбрый и даровитый артиллерійскій генералъ графъ Кутайсовъ и былъ раненъ Ермоловъ.

Признавая, что я не мало содѣйствовалъ отнятію редута и первый, съ томскимъ баталіономъ, вступилъ въ рукопашную схватку, Ермоловъ обнялъ меня въ самомъ укрѣпленіи, просилъ „забыть все между нами случившееся“ и прибавилъ, что „я завоевалъ георгіевскій крестъ остриемъ своей сабли, о награжденіи которымъ меня онъ и постарается“. Нашлись однако люди, которымъ подвигъ мой показался чрезчуръ яркимъ; ихъ собственное сіяніе пересилило мой блескъ, и мнѣ не оста-

лесь ничего болѣе, какъ личное воспоминаніе, да крестъ правда не тяжелой, однако значительной рамы. (*)

Барклай прибавилъ къ редуку во время кровавой свалки и принималъ необходимыя, для его обезпеченія, мѣры. Для этого была употреблена вся дивизія генерала Лизачева. Увидѣвъ меня раненнымъ, онъ далъ мнѣ одного изъ своихъ ординарцевъ проводить до перевязочнаго пункта. Здѣсь я нашелъ Ермолова, который еще разъ повторилъ слова, сказанныя мнѣ въ редуку; однако впоследствии роли перемѣнились, и въ официальныхъ реляціяхъ имени моего упомянуто не было. На этомъ же перевязочномъ пунктѣ я засталъ, сидящимъ на травѣ, раненаго князя Багратіона, окруженнаго врачами и адъютантами. Лейбъ-медикъ Вилье, съ изумительнымъ самоотверженіемъ подававшій въ этотъ день пособіе тысячамъ раненыхъ, трудился надъ явленіемъ засѣвшей въ кости голени пули. Князь страдалъ жестоко, но мужественно, какъ герой. Замѣтивъ меня, онъ спросилъ о Барклаѣ и на отвѣтъ мой проговорилъ слабымъ голосомъ: „Скажите ему, что теперь судьба арміи въ его рукахъ. Пока все еще идетъ хорошо. Да сохранитъ его Богъ!“ Я видѣлъ Багратіона въ послѣдній разъ: рана, хотя и не смертельная, приняла опасный характеръ отъ душевнаго огорченія и безпокойства и, спустя нѣсколько недѣль, свела въ могилу доблестнаго мужа.

Раненыхъ офицеровъ и генераловъ было вообще много; между послѣдними находились начальникъ штаба багратіоновой

(*) Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія принца Евгенія Вюртембергскаго о войнѣ 1812 года, Левенштернъ, по предложенію генерала Вахтена, служившаго при принцѣ адъютантомъ, сообщилъ ему нѣкоторыя замѣчанія на его сочиненіе и упомянулъ въ нихъ объ участіи своемъ при отбитіи редута Раевскаго. Принцъ отвѣчалъ Вахтену: „Вскорѣ послѣ бородинскаго боя, Вольцогенъ говорилъ мнѣ о дѣйствіяхъ полковника Левенштерна во время отнятія у неприятеля редута. Могу увѣрить, что я никогда не забывалъ этого обстоятельства, но, несмотря на всѣ мои распросы и справки, не узналъ ничего и, не бывъ очевидцемъ случившагося, принужденъ былъ последовать за общимъ мнѣніемъ. Впрочемъ, въ словахъ Левенштерна истина такъ прозрачна, какъ будто она передъ моими глазами: собственный опытъ научилъ меня понимать *подобныя* обстоятельства“. Принцъ Евгенийъ разумѣетъ здѣсь отступленіе союзной арміи отъ Дрездена къ Кульму, во время котораго онъ, своими дѣйствіями, спасъ армію. Между тѣмъ, о подвигъ его вовсе не было упомянуто въ реляціи, и только въ наше время раскрыта истина.

Прим. О. Смирн.

См. статью: „Принцъ Евгенийъ Вюртембергскій и его записки“ въ № 8 „Военнаго Сборника“ за 1864 г.

армии: графъ Сентъ-При (убитый потомъ при Рейнсе) и графъ Воронцовъ, съ которыми позже судьба такъ облюбовала меня: Филъе, перебивавъ Сентъ-При и Воронцова, обратился ко мнѣ; наскоро наложилъ мнѣ поязку и сказалъ: „ну, теперь покаместъ это моя послѣдняя работа“. Чувствуя въ себѣ еще довольно силы, я немедленно воротился къ своему посту, хотя не могъ дѣйствовать саблею, однако готовъ былъ, попрежнему, исправлять должность притнаго гонца. Случай къ тому представился скоро.

Барклаю уже не разъ посылалъ меня къ Кутузову, который, окруженный блестящимъ штабомъ, пребывалъ въ такомъ мѣстѣ; откуда, конечно, не могъ слѣдить вполне за ходомъ боя, но за то и пули не долетали сюда. Всѣ распоряженія онъ предоставилъ Барклаю, Багратиону и Бенигсену и не мѣшалъ имъ своими приказаніями; только одинъ разъ, и именно теперь, случилось противное; къ крайнему неудовольствію Барклая: Барклаю поставилъ гвардейскій корпусъ въ резервъ и приказалъ командиру его, Лаврову, не давать никакой части въ дѣло, для того чтобы вечеромъ, при приближеніи развязки, имѣть подъ рукою отборныя войска. Когда я пріѣхалъ къ Лаврову съ подтвержденіемъ этого приказанія, онъ сказалъ мнѣ, что, „по повелѣнію Кутузова, полковникъ Толль взялъ у него два полка конницы и два полка пѣхоты; чтобы подірѣпить ими лѣвый флангъ, подвергавшійся жестокимъ атакамъ французовъ“.

Всегда спокойный, всегда сдержанный Барклаю вышелъ изъ себя при этомъ извѣстїи и предался сильнѣйшему гнѣву. — „Накъ! — вскричалъ онъ — неужели думаютъ, что въ десять часовъ утра сраженіе проиграно, и потому ведутъ въ огонь резервы, сберегаемые до послѣдней минуты, и тѣмъ отнимаютъ у себя средство къ побѣдѣ!“ — Давъ цѣпоры коню, онъ поспѣжалъ къ Кутузову, приказавъ мнѣ слѣдовать за собою. Онъ заклиналъ князя не трогать остальныхъ частей гвардіи, особенно кавалерію, поставляя на видъ, что конница скоро понадобится. Дѣйствительно, превосходная гвардейская кавалерія и парализовала потомъ своими молодецкими атаками всѣ усилія непріятельской конницы.

Быль часъ пополудни; По всей линіи носились облака пороховаго дыма и пыли; раздавались крики и громъ выстрѣловъ. Барклаю трудно было сообразить что происходило въ корпусѣ

графа Остермана-Толстаго. Генералъ послалъ меня къ нему. Я засталъ графа, только-что передъ тѣмъ раненаго въ бѣдро и уже перевязаннаго, впереди своихъ войскъ, которые онъ усердно велитъ въ огонь, ведѣ стараясь схватиться съ неприятелемъ и исполнять эту любимую свою задачу съ истинно-стойческою хладнокровіемъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на очевидную опасность. Въ продолженіе восьми или десяти минутъ, что я находился близъ графа, пули и снаряды ложились въ такомъ множествѣ, что изъ нашего небольшого кружка многие были убиты, ранены или сброшены съ лошади и всѣ мы засыпаны землею. Адъютантъ Остермана, молодой Валуевъ, стравившій воедѣ меня, былъ убитъ; князь Миланъ Голицынъ тяжело раненъ; у генерала Нахметьева оторвало ногу.

Собразивъ положеніе здѣсь дѣлъ, на сколько то оказалось возможнымъ, я убѣдился, что хотя отъ корпуса графа Остермана-Толстаго и нельзя было ожидать особенныхъ успѣховъ, однако видѣлъ, что войска постоятъ за себя честно, а предводители ихъ будутъ драться какъ левъ. Подобное донесеніе мое не обрадовало, впрочемъ, Барклая; но какъ онъ не имѣлъ средствъ дать здѣсь коду дѣлъ другой оборотъ, то и предоставилъ ихъ естественному теченію, рассчитывая на храбрость и стойкость войскъ.

Вскорѣ затѣмъ, между двумя и тремя часами пополудни, Барклай замѣтилъ, что сильныя колонны неприятельской кавалеріи готовились предпринять рѣшительный ударъ на лѣвый флангъ нашей первой арміи, образовывавшій и въ некоторомъ образѣ центръ обѣихъ соединенныхъ армій. Вслѣдствіе этого генералъ послалъ меня къ начальнику гвардейской кавалеріи, Шевичу, съ приказаніемъ выдвинуть ее на столько, чтобы она была закрыта отъ выстрѣловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы можно было безотлагательно употребить ее противъ неприятеля. Это превосходное войско встрѣтило слова мои громкими изъясненіями радости: храбрымъ кавалеристамъ крѣпко хотѣлось помѣряться съ врагомъ, и движеніе впередъ отвѣчало ихъ пламеннѣйшимъ желаніемъ.

Но вотъ густыя массы неприятельской кавалеріи ринулись, ниспровергая все на пути своемъ. Генералъ Корфъ съ драгунами, Крейцъ съ легкою конницею произвели нѣсколько атакъ, то удачныхъ, то менѣе счастливыхъ; войска ихъ смѣшались подъ-конецъ въ нестройныя толпы, какъ это всегда бываетъ

еще повторенных кавалерийских атак. Надобно было дать им время устроиться, и потому теперь гвардейская павалерия была задачей остановить массы неприятельской конницы, стараясь прорвать нашу центр и разъединить оба наши фланга. Барклай сам повел гвардейских вивалеристовъ. Ударъ павалергардовъ и конногвардейцевъ былъ ужасенъ и сокрушительнъ: наступавшая неприятельская кавалерия была опрокинута, истреблена, смята (*), и хотя другіе полки старались своими ставнями остановить нашихъ латниковъ, но всякій разъ были отбрасываемы и преслѣдуемы. Разторившаяся борьба превратилась наконецъ во множество отдѣльных боевъ, большаго или меньшаго размѣра. Все видимое пространство поля представляло поразительную картину: карен нашей пѣхоты стрѣляли во все четыре стороны, бывъ окружены неприятельскими всадниками, которые усиливавшимися врывались въ нихъ.

Спокойно и серьезно руководилъ Барклай ожесточеннѣйшимъ боемъ, бодро сидѣлъ на конѣ въ полной брнѣ, съ тремя авидами на груди, въ генеральской шляпѣ съ чернымъ перьями и сумганомъ. Кажется, онъ выросъ на нѣсколько вершковъ, когда, непоколебимый среди общаго грома, отъ котораго земля стонала на далекое пространство, старался обезпечить судьбу битвы геройскимъ хладнокровіемъ. Возлѣ него падали два адъютанта: Клигнеръ, которому ядромъ оторвало обѣ ноги, и графъ Ламсдорфъ, сраженный также ядромъ. Изъ прочихъ адъютантовъ почти всѣ были ранены болѣе или менѣе тяжело, но въ другими убиты лошади (подъ Бартоломеемъ три); конь самого Барклая получилъ огнестрѣльную рану.

Яростная атака неприятельской кавалерии хотя и была отбита, однако исходъ боя все еще казался сомнительнымъ и

(*). Въ жизнеописаніи другаго очевидца этого кавалерійскаго боя, Варденбурга, упомянутаго выше адъютанта принца Ольденбургскаго („Leben Wardenburgs“, 1842, стр. 185), сказано: „Барклай приказалъ двинуть оба гвардейскіе кирасирскіе полка, подъ начальствомъ Шевича. Эта кавалерія, во всю кампанію еще не бывавшая въ дѣлѣ и потому береженная, произвела прекраснѣйшую атаку, какую когда-либо случалось мнѣ видѣть (а Варденбургъ сражался подъ Маренго, Аустерлицемъ, Эйлау), на французскихъ и баварскихъ кирасировъ, единственно уцѣлѣвшихъ изъ всей французской конницы. Дѣло было кончено въ одинъ моментъ: послышался только одинъ ударъ русскихъ палашей по неприятельскимъ латамъ, и все разлетѣлось въ прахъ. Остатки французской кавалеріи, не обороняясь, обратились въ бѣгство, преслѣдуемые русскими до линіи. Эта дружная атака была столь гибельна для французской кавалеріи, что она уже не действовала во всю остальную кампанію“.

трудный момент еще не был устранен. Барклай, намѣтивъ опасность, устремился въ самую средину свалки; но надъ раненый конь его двигался съ трудомъ, но малому генералу проскочила печальная бѣда: нѣсколько польскихъ улановъ бросились на него, и тогдѣ легко могъ бы стать ихъ добычею, потому что сила его очень уменьшилась. Вблизи Барклай были только адъютанты Закревскій, Кашинцовъ, Сиверсъ, Тимротъ да я, но рана въ правую руку дѣлала меня почти полуинвалидомъ. Мы успѣли однако собрать нѣсколько навалеристовъ разныхъ полковъ, ударили на отважныхъ польскихъ улановъ и частью зарубили, частью прогнали ихъ.

Этотъ малый успехъ повлекъ за собою большій: значительная часть нашей легкой кавалеріи, увлеченная нашимъ движениемъ, бросилась съ такою стремительностію на непріятеля, что освободила уже окруженную имъ конную батарею подполковника Саманга. Только одно орудіе оставалось еще въ рукахъ французовъ; и отнявъ его при помощи нѣсколькихъ маріупольскихъ гусаровъ и сибирскихъ драгуновъ, но былъ раненъ при этомъ въ пистолета въ ту же правую руку, которую носить на перевязи.

Во время большихъ кавалерійскихъ атакъ, непріятель опять овладѣлъ редутомъ Раевского; оборонявшая его дивизія Диканева была почти истреблена или отброшена, а крабрый началъ вытѣснять ее, не хотѣвшій оставить своего поста, раненый попался въ плѣнъ. Барклай вторично послалъ меня сюда для собранія точныхъ свѣдѣній. Редутъ я нашелъ уже потеряннымъ, а уцѣлѣвшихъ защитниковъ въ ложбинѣ, гдѣ они укрывались отъ пуль и картечи, непрестанно на нихъ сыпавшихся. Люди разбрелись, упали духомъ; и не представлялось возможности вести остатки дивизіи въ новый бой. Съ твердостію выслушавъ грустную истину, Барклай сказалъ: „завтра мы опять возьмемъ редутъ, или непріятель самъ оставитъ его ночью“.

Часовъ около пяти пополудни, Барклай поѣхалъ къ Кутузову. Поговоривъ съ нимъ четверть часа, онъ направился къ Портамъ, на ту возвышенность, откуда видѣть начало битвы. Только три адъютанта находились теперь при немъ, Закревскій, Сеславинъ и я; остальные были убиты, тяжело ранены или разосланы. Генераль слѣвъ съ лошади, и какъ онъ въ продолженіе цѣлаго дня ничего не ѣлъ, то и не отказался отъ рюмки

рома, которую я предлагалъ ему. Между тѣмъ, онъ зорко слѣдитъ за движеніями непріятеля, не думая о гнѣвѣ, повременъ дозатавшихъ до насъ.

Мало по малу канонада утихала; дымъ и нѣль покрывали боевое поле; водворявшаяся тишина позволяла подумать о событіяхъ знаменательнаго дня. Повеселный уронъ еще не былъ извѣстенъ; но всѣ сознавали его громадные размѣры, и только утѣшали себя тѣмъ, что противникъ не взялъ надъ нами перевѣса. Правда, мы уступили ему нѣсколько сотенъ шаговъ пространства, однако мы все еще стояли на полѣ сраженія, не потеряли ни пѣнныхъ, ни трофеевъ; мужество и сила войскъ остались непоколебимыми, и все, что уцѣлѣло, требовало и надѣялось возобновленія боя на другой день. Въ совѣтѣ военачальниковъ было рѣшено иначе. Огромный уронъ, необходимость сохранить ядро старослуживыхъ; къ которому, для будущаго освобожденія страны, могли бы примкнуть свѣжія дружины, побудили продолжать отступление на слѣдующее утро. Въ восемь часовъ вечера Кутузовъ пригласилъ къ себѣ Барклая

V.

Отступление къ Москвѣ. — Фланговой маршъ. — Отъѣздъ Барклая изъ арміи и моя служба при Кутузовѣ. — Сраженіе при Тарутинѣ.

Итакъ, великая битва была дана, и дана съ честью; но рано: численный перевѣсъ непріятеля еще не уменьшился настолько, чтобы можно было рассчитывать на вѣрный успѣхъ. Бородинское сраженіе было жертвою чести, попыткою для спасенія Москвы, частію же доказательствомъ, что не страхъ и не недостатокъ мужества препятствовали до сихъ поръ вступити въ бой, но благоразуміе, расчетъ, соображеніе. Теперь, показавъ непріятелю свою стойкость, удовлетворивъ неодолимой потребности помѣряться съ нимъ силами, можно было продолжать съ успѣхомъ предначертанный планъ. Рѣшено было отступить поамѣстъ до Москвы, а тамъ дѣйствовать по обстоятельствамъ: драться, если найдется удобная мѣстность и придутъ подкрѣпленія, или отступить еще далѣе.

На разсвѣтъ 27-го августа я вскочилъ со своего соломеннаго лежа, въ надеждѣ на возобновленіе боя, но скоро узнавъ, что приказано отступать. Отступление произошло въ совершенномъ порядкѣ; люди шли бодро, готовые на новыя битвы. Уже послѣ десяти часовъ утра двинулась за нами французская ка-

валерія, не вяло, медленно, неуверенно: когда шагъ арьергарда останавливался, и неприятельская конница дѣлала то же. Куда дѣбалась ея отвага? При всякой попыткѣ настойчиваго преслѣдованія, она была отбрасываема.

Явившись утромъ къ Барилею, я нашелъ его видимо утомленнымъ, но усердно занятымъ распоряженіями по отступленію. Офицеры сказывали мнѣ, что генераль не ложился отдыхать; глаза его, со вчерашняго ранняго утра слѣдившіе за всеми явленіями кровопролитнѣйшаго зрѣлища, не смыкались даже на самое короткое время. Невозможно было смотреть безъ глубокаго уваженія на доблестнаго мужа, когда онъ бодро шёлъ впереди войскъ по большой московской дорогѣ. Арьергардомъ командовалъ сначала Коноввицынъ, потомъ Розенъ, Платовъ и Ермоловъ.

Въ одномъ изъ арьергардныхъ дѣлъ ядро оторвало ногу у принца Гессенъ-Филипсталъскаго. Незадолго передъ тѣмъ, онъ, бывъ въ главной квартирѣ, навѣститъ меня, и какъ я ни упрашивалъ его отдохнуть въ моемъ баракѣ, съ тѣмъ, чтобы утромъ отправиться къ Платову, при легкой кавалеріи котораго онъ состоялъ, но пылкая храбрость взяла свое: принцъ уѣхалъ, а чрезъ нѣсколько часовъ его привезли на лафетъ, блѣднаго, почти безъ чувствъ. Въ крестьянской избѣ, врачи, подъ руководствомъ Вилье, приступили немедленно къ ампутаціи, которую принцъ вынесъ твердо. Я держалъ принца за руку во время операціи; и онъ такъ судорожно сжалъ мою, что, послѣ положенія ему перевязки, я долго не могъ владѣть своею рукою. Отвезенный въ Москву, принцъ вылезъ и предпринялъ путешествіе въ Лондонъ, гдѣ ему придѣлали деревянную ногу столь искусно, что на своей подставкѣ онъ ходилъ лучше, чѣмъ я на природной ногѣ. Принцъ продолжалъ службу и состоялъ впоследствии, въ чинѣ генераль-маіора, при легкой гвардейской кавалерійской дивизіи.

1-го сентября мы дошли наконецъ до высотъ подъ Москвою. Здѣсь, какъ извѣстно, предполагалось дать сраженіе, и Бутузовъ совѣщался съ Барклаемъ о позиціи, выбранной Беннигсеномъ. Князь сидѣлъ на своей походной скамейкѣ; передъ нимъ разстилалась Москва. Генераль Доктуровъ, войска котораго стояли ближе всѣхъ, приказалъ подать завтракъ; но стрѣльщикъ Барклай, довольствовавшійся спарганною похлебкою, быстро сѣлъ на коня и поѣхалъ осматривать позицію. Замѣтивъ, что

Дохтуровъ не слѣдуетъ за нимъ, генералъ послалъ меня къ нему и при этомъ сказалъ: — „Привезите ко мнѣ Дохтурова, хотя бы и съ полетомъ въ зубахъ. Вотъ каковы они: любятъ подлащивать дѣло удовольствіями; служба, сама по себѣ, кажется имъ чуждою.“ — Когда я прискакалъ, Кутузовъ спросилъ о причинѣ моего возвращенія и на отвѣтъ мой обратился къ Дохтурову: — „Повѣжайте, любезный генералъ; не заставляйте ждать Барклая, а съ завтракомъ я управлюсь одинъ.“ Дохтуровъ, находившійся съ Барклаемъ въ дружественныхъ отношеніяхъ и весьма имъ уважаемый, тотчасъ же поѣхалъ, и они вмѣстѣ посвятили цѣлый часъ на осмотръ позиціи, которая оказалась до крайности невыгодною.

Послѣ этого былъ у Кутузова военный совѣтъ изъ опытныхъ представителей нашей арміи: Барклая, Бенигсена, Дохтурова, Остермана-Толстаго, Коновницына, Ермолова и полковника Толля. Въ этотъ же день графъ Ростопчинъ обѣдалъ у Барклая, былъ очень серьезенъ и разстроенъ, однако ласково пригласилъ меня съѣздить съ нимъ въ Москву. Грустную картину увидѣлъ я въ первопрестольномъ городѣ: пустыя улицы, повсюду мрачное настроеніе духа; на бородатыхъ лицахъ крестьянъ выражались ожиданіе, недовѣріе и отчаянная рѣшимость; глаза ихъ часто сверкали гнѣвомъ. Трактиры и питейные дома хотя и были полны, но никакого веселья въ нихъ не происходило.

На другой день, 2-го сентября, уже ни для кого не было тайною, что Москву отстоявать не будутъ. Милорадовичъ командовалъ арьергардомъ, и всѣ принятыя мѣры клонились къ тому, чтобы благополучно провести армию по тѣснымъ и извилистымъ улицамъ широко-раскинувшейся столицы. Барклай оставался на конѣ восемнадцать часовъ, наблюдая за порядкомъ при отступленіи. Съ тою же цѣлію распредѣлилъ онъ и своихъ адъютантовъ по разнымъ кварталамъ; мнѣ довелось быть у дома Пашова. На казаковъ возложена была обязанность выпроваживать отсталыхъ изъ питейныхъ домовъ и очищать улицы и переулки отъ столпленія народа. Такимъ образомъ, Барклаю удалось, послѣ неутомимыхъ усилій, скоро и въ порядкѣ направитъ армию чрезъ лабиринтъ московскихъ улицъ, въ тотъ рыхъ добрая доля ея могла бы быть захвачена напиравшимъ непріателемъ. Съ благодарностію должно упомянуть и о твердой рѣшимости Милорадовича побудить Мюрата къ заключенію

перемиря до совершеннаго очищенія Москвы. Конечно, горю и нааполитанскому, казалось заманчивымъ занять столицу безъ выстрѣла; безъ сомнѣнн, онъ мечталъ найти здѣсь русскаго успокоеніе и всякаго рода удовольствія, потому что и самое сильное воображеніе не допускало мысли, что громадный городъ уже былъ обреченъ на сожженіе и разореніе. Если бы Мюратъ могъ вообразить себѣ подобную судьбу Москвы, то иначе вѣроятно пользовался бы опасными городскими деполями.

За Москвою Барклай пробылъ еще цѣлый часъ, именно до девяти часовъ, когда все принадлежавшее къ арміи вытянулось за аставу; потомъ онъ поѣхалъ въ Панинъ, гдѣ находилась главная квартира Кутузова. Отсюда на другой и на слѣдующій дни предпринято было то знаменитое фланговое движеніе, которое достаточно описано во всякой исторіи войны 1812 года.

Совершилось, между тѣмъ, великое событіе, послужившее началомъ новымъ судьбамъ міра: пожаръ Москвы. При очищеніи ея, войска были грустны, убиты духомъ, ожесточены, подозрѣвали измѣну. Всѣ не-природные русскіе стали возбуждаться къ себѣ недовѣріе, и атой участи не избѣгнуть самъ Барклай; двинувшій столько доказательствъ своего самоотверженія въ защиту отечества; нѣкоторые даже прямо называли его измѣнникомъ. Военнослужащіе изъ аристократическихъ и богатыхъ семействъ имѣли и другіе поводы къ сѣтованію: одни грустили по своимъ барскимъ палатамъ; другіе тревожились судьбою родныхъ и друзей. Большинство же, или, тѣмъ не мѣнь, оскорблялись позоромъ, что неприятельская нога ступала въ первопрестольный городъ Царства Русскаго. Чувства гнѣва и негоды перемѣшались между собою; но уже тогда многіе говорили: «можемо вступленіемъ въ Парижъ можно смѣять таюй досор!»

Съ неприятелемъ сбылось то, что въ жизни случается (съ самыми вѣрными расчетами: онъ думалъ, что овладѣніе Москвою распространитъ ужасъ, уныніе, и что общее желаніе примириться поведетъ къ достославному миру. Вышло совершенно наоборотъ. Кто въ ато время, былъ въ окрестностяхъ вѣрнаго города, зарево отъ котораго далеко освѣщало аочное небо, тотъ вспомнитъ, какія чувства наполняли тогда сердца русскаго воинства и русскаго народа. Въсто покорности Бонапарту, въ уста произносили лишь два слова: отъята, мерты; вмѣсто унынія—вышелъ степень одушевленія, одушевленія

дѣло отечества, готовность принести въ жертву все, чтобы доставить удовлетвореніе національной чести, возвеличенной и прославленной таковыми монархами, какъ Петръ Великій и Екатерина II, и такими полководцами, какъ Руинцовъ и Суворовъ. Дѣ первую жертвою была Москва бѣлокаменная, съ золотыми маковками, мать городовъ русскихъ, а послѣ подобной тяжелой жертвы все прощѣ казались легкими... Другой дух преобладалъ теперь и въ войскѣ и въ народѣ: до сихъ поръ оборона, какъ бы связывала руки и опасенія за Москву какъ бы парализовала дѣйствія; съ паденіемъ же Москвы, всѣ помыслы устремились на опасеніе не города, а всего государства, и одинъ великій говорилъ себѣ: „для насъ война начинается только теперь“. Тотчасъ же явилась и новая дѣятельность во всѣхъ мѣрахъ правительства, въ административныхъ мѣстахъ и въ народѣ: всѣ пронизались одною мыслію—скорѣе выгнать изъ отечества врага, который оскорбилъ не только патріотическія, но и всѣ религіозныя чувства, грабилъ и осквернял храмы Божіи, превращалъ ихъ въ конюшни, священную утварь и ризы съ иконой переливалъ въ слитки, а самыя иконы употреблялъ вмѣсто досокъ, столовъ и на другія грязныя хозяйственныя надобности. Вѣсть объ осквернителяхъ церквей быстро распространилась въ народѣ, и на было предѣла негодованію, выходящему ожесточенію православныхъ христіанъ, возмущенныхъ такими гнусными поступками пришельцевъ... А между тѣмъ Кутузовъ работалъ въ тиши, чтобы какъ можно долѣе продержатъ врага въ западнѣ, въ которую попались французы.

Трудно вообразить себѣ, до какой степени Наполеонъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Москва была цѣлюю всѣхъ его усилій; тамъ надѣялся онъ найти то, чего желалъ и въ чемъ нуждался: живые силы, припасы, отдыхъ, зимнія квартиры, миръ; онъ жертвовалъ всѣмъ, чтобы дойти до Москвы—и что же наконецъ? Неудача, надежды, проекты и планы—все погнбло и сокрушилось въ пламени, пожравшемъ столицу Русскаго Царства. Однако же соображая и не забывалъ Наполеонъ—именно этого грознаго событія, обратившаго въ ничто его отважнѣйшія дѣйствія. Ошибавшійся, потерянный, нравственно сраженный, онъ самъ важная для него, сидѣлъ въ Москвѣ, тогда какъ зрячій, разсудокъ каменнѣе, немедленно оставилъ странное привидѣніе и, пользуясь еще благоприятною погодою, отвелъ свою армію въ Смоленскъ, гдѣ онъ могъ бы возстановить свои

угрожаемая сообщения и напелъ бы свѣжя подирѣвленія. Но противъ такого шага возставала его гордость: онъ не хотѣлъ показать себя одолѣннымъ неодолимыми силами; не хотѣлъ остаться въ долгу передъ своими войсками, которымъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, сулилъ всё блага въ Москвѣ. И Наполеонъ пробылъ въ Москвѣ пять недѣль, увлеченный рокомъ, къ которому взывалъ при открытіи войны; и приговоръ судьбы исполнился, какъ онъ пророчествовалъ, но исполнился не надъ русскими, а надъ французами... Безъ сомнѣнія, Наполеонъ, при своей прозорливости, видѣлъ и сознавалъ опасность своего положенія, но, помня, что настойчивость спасала его изъ не менѣе опаснаго, рѣшился ждать, импонировать и либо хитростію, либо устрашеніемъ вынудить миръ. Его предложенія о мирѣ и перемиріи были отвергнуты, а онъ все еще оставался какъ бы прикованнымъ къ Москвѣ обманчивыми мечтами...

5-го сентября начался нашъ аланговой маршъ, вслѣдствіе котораго мы отрѣзали неприятелю дорогу на югъ. 20-го сентября мы заняли роковую для нашего противника позицію при Тарутинѣ. Здѣсь рѣшился Барклай, угнетаемый неблагоприятными обстоятельствами, оставить армию. Отношенія его къ князю становились болѣе и болѣе ненормальными: Кутузовъ желалъ удаленія Барклая, какъ и вообще отличныхъ генераловъ, которые могли бы умалить блескъ его славы тѣмъ, что предстояшіе въ виду успѣхи общее мнѣніе приписало бы имъ, а не ему. Онъ уже зналъ, что главные заслуги въ бардинскомъ бою приписывались Барклаю и Ваграціону, но былъ слишкомъ хитеръ для того, чтобы явно удалить Барклая изъ арміи; такая мѣра еще болѣе возвысила бы значеніе Барклая, и потому Кутузовъ старался разными неприятностями заставить его самого просить объ увольненіи. Наружно фельдмаршалъ оказывалъ Барклаю большой почетъ и передавалъ ему начальство надъ обѣими арміями; подъ рукой же творились тысячи интригъ, чтобы сдѣлать Барклаю службу невыносимою. Последнею каплею, переполнившюю чашу, было откомандированіе Милорадовича съ 25,000 человекъ безъ предупрежденія о томъ Барклаю, подъ начальствомъ котораго состоялъ Милорадовичъ. Я первый сообщилъ генералу это извѣстіе; оно глубоко оскорбило его. Барклай тотчасъ же сѣлъ на коня, поѣхалъ къ Кутузову и имѣлъ съ нимъ крупный разговоръ. Хотя князь и сложилъ вину на дежурнаго генерала Коновницина, но Барклай, разумѣется,

не повѣрилъ подобной уверкѣ: но въ предположеніи разстроенаго здоровья, онъ сложилъ съ себя командованіе и чрезъ нѣсколько дней отправился въ С.-Петербургъ, сопровождаемый только двумя адъютантами. Передъ отъѣздомъ онъ спрашивалъ каждого изъ оставшихся адъютантовъ, каковъ кто изъ нихъ жаждетъ получить назначеніе. Я выразилъ желаніе состоять при Кутузовѣ, который всегда благоволилъ ко мнѣ.

Въ день отъѣзда имѣлъ я съ Барклаемъ вѣчно-памятный мнѣ разговоръ. Обыкновенно неособщительный, односложный, пришедшій къ краткой военной командѣ, Барклай далъ теперь волю потоку своихъ мыслей. „Настоящее противъ меня — сказалъ онъ — и я принужденъ покориться; но настанетъ время хладнокровнаго обсужденія всего случившагося, и это время отдастъ мнѣ должное. Я везу колесницу на гору, а съ горы она скатится сама, при маломъ руководствѣ; эту веселую работу скатыванія я предоставляю дьяку и желаю бы, если бы то было возможно, принять въ ней скромное участіе, въ качествѣ простаго пеша моего егерскаго полка. Но я вижу, что пребываніе мое въ арміи послужитъ поводомъ къ несогласіямъ, къ раздорамъ. Я долженъ удалиться. Мой трудъ, мой памятникъ валицо: содраленная, снабженная вѣсѣмъ нужнымъ, боевая армія; передъ ней разстроенный, упавшій духомъ непріятель, игрушка нашей воли.... Такъ угодно Богу, любезный Левенигернъ.... Мнѣ пріятно сообщить вамъ на прощаньи, что, по моему представленію, государь императоръ произвелъ васъ въ подполковники за Бородино.“

Съ такимъ величавымъ спокойствіемъ души удалился изъ арміи Барклай, къ огорченію своихъ почитателей и друзей. Люди, окружавшіе Кутузова, за исключеніемъ честнаго и храбраго Коновницына, съ удовольствіемъ смотрѣли на его удаленіе. Свою личность Барклай представлялъ слишкомъ рѣзкій контрастъ съ новымъ главнокомандующимъ: суровый къ самому себѣ какъ спартаецъ, онъ въ высшей степени заботился о благосостояніи солдатъ; весь прониннутый чувствомъ долга, онъ зорко наблюдалъ, чтобы и другіе исполняли свою обязанность. Сколько истины было въ словахъ его, мнѣ сказанныхъ! Ему была обязана армія, окруженная самыми трудными условіями, своимъ сохраненіемъ при быстромъ, неудержимомъ натискѣ непріятеля, при неоднократныхъ маневрахъ Наполеона или отбрасывать ее отъ хайбородныхъ южныхъ губерній и отбро-

сидеть, съвершить, или вовлечь въ бой съ несообразно превосходящими силами. Провести армию отъ Вильны до Москвы неразстроеною, да еще въ виду Наполеона и его здвие много численнѣйшихъ полчищъ, заслуга, безспорно, великая. Иначе эта ли армія рѣшила впоследствии исходъ войны? Ни голодъ, ни служба, ни крестьяне и казаки не могли бы освободить страну, если бы не было благоустроенной арміи. А кичливники всяко этого, при провѣдѣ чрезъ Балугу, подверглись поруганію отъ осѣдливой и раздраженной черни, которая выбила стекла въ его каретѣ и рѣзала на всю улицу: „смотриже, зоть имѣнникъ!“ Въ дѣло должна была вышаться полиція. Даже въ Петербургѣ ожидали Барклая неспрѣткостью, такъ что отъ не смѣлъ показываться на улицахъ: толпа и эдакъ кричала вслѣдъ ему: „имѣнникъ!...“ Одинъ великодушный и правосудный монархъ цѣнилъ и понималъ его. Барклай удалился въ Лифляндію, въ среду своего семейства, до наступленія лучшихъ временъ. Они настали скоро...

Кутузовъ, когда я явился къ нему, принялъ меня какъ своего придвѣзца, состоять мнѣ въ своемъ штабѣ и исправлять должность адъютанта. Однако я чувствовалъ себя не на мѣстѣ, хотя относительно спокойствія и удобства жизни очутился въ гораздо выгоднѣйшемъ положеніи. Трапеза у Барклая была очень умеренная, а князь держалъ роскошный столъ; при Барклае грозила ежечасная опасность быть убитымъ, а близки Кутузова не могло быть никому общаго страха. Однимъ мановеніемъ бровей, князь, какъ радушный застольный хозяинъ, распространялъ вокругъ себя веселіе и радости. Неоднократно обращаясь еще ко мнѣ съ пріятнымъ словомъ, осѣдлался со мною въ своей графинѣ Дадли Тивенгаузенъ (впоследствии бывшей за графомъ Физельмономъ), которая, полагая, что мнѣ приходится длемянницей, поручалъ писать письма въ Ревель, гдѣ она воспитывалась у дѣда и бабушки, словомъ своимъ рѣдъ на меня какъ на близкаго родственника, что, разувѣтъ сама собою, подняла меня въ глазахъ ея. Мнѣ оставалось только вести привольную жизнь военнаго слуги, отъ которой я и чувствовалъ влеченіе въ мирное время, но теперь я думаю только о случаяхъ употребить въ дѣло свою саблю и вращаться въ пороховомъ дыму.

Чтобы удовлетворить хотя отчасти этой потребности, я сталъ правдаться иногда, безъ вѣдома князя, въ авангарды, которыми

порывовъ Милорадовича. Тутъ происходила ночь-часъ сѣны, во время нашествія эпохи рыцарства, времена Раулей де-Куби и де-Кривельювъ. Мюратъ приважалъ на наши аванпосты одѣтымъ какъ кометабль при дворѣ короля Франциска I, а съ нашей стороны красовался щеголеватый Милорадовичъ. Въ такіе минуты хотѣлось бы видѣть Милорадовича въ одеждѣ его земляновою или живописномъ сербскомъ костюмѣ, полугреческомъ, полугурацкомъ. Оба, Мюратъ и Милорадовичъ, по характеру были похожи другъ на друга; оба старались придать себѣ рыцарскій видъ, блистать, разыгрывать роль Баяра, дѣйствовать на массу, и такими проявленіями своихъ наклонностей умѣли элентризовать войска, заслуживать ихъ любовь. Стѣжаясь на аванпостѣхъ, Мюратъ и Милорадовичъ обмѣнивались между собою иъспольними отборными, мирнаго свойства, остроуміи, перелѣсь которыхъ обыкновенно оставался на нашей сторонѣ, потому что и самый ходъ дѣлъ склонялся въ нашу пользу! Однажды король неаполитанскій назвалъ „широкую, скieuseкую Россію северною землей, незнакомою ни съ какою цивилизаціей“. „Государь — возразилъ на это Милорадовичъ — у васъ прекрасное царство, прекрасная одежда: зачѣмъ же вы пожаловали въ северную, неустроенную землю?“

Въ тарутинскомъ лагерѣ жили мы весело и не только ни въ чемъ не нуждались, напротивъ имѣли въ изобиліи жизненные припасы, вино, плоды, предметы роскоши; тогда какъ противники наши во всемъ терпѣли нужду. Недоставало намъ лишь дровнаго шѣсу, и потому солдаты снесли мало по малу всѣ окрестныя избы; наконецъ они добрались и до сельдгарпальскаго дома; и снесли съ него крышу въ то время, когда вѣтъ обфдала; ибутозовъ же препятствовали имъ въ томъ и перенесли свою главную квартиру изъ Тарутина въ ближайшую деревню Летажску.

Оттуда началось блистательное похси нашихъ партизановъ: князь Муцашева, Фигнера, Ослашина, Давыдова, Дорбхова. Первая ихъ о партизанскихъ дѣйствіяхъ принадлежала Давыдову: многочисленныя казацкія полки, ежедневно прибывавшіе съ Дона, служили лучшими для того войсками. Наши партизанскіе отряды нанесли непрителю неисчислимый вредъ: они распространяли такой страхъ, что для прикрытія французскихъ фуражировъ высылались большія части войскъ; они постепенно отсылали имъ кругъ, подстрегали крестьянъ на бу-

сурмановъ, надедали на не слишкомъ сильные отряды, перхватывали курьеровъ и забирали плѣнныхъ больше, нежели сколько доставило бы генеральное сраженіе. Кутузовъ поддѣлялъ предпріятія партизановъ, потому что не подвигать ихъ печаталось въ газетахъ и онъ могъ пребывать въ бездѣйствіи. Впрочемъ, здѣсь бездѣйствіе фельдмаршала было результатомъ благоразумнаго расчета, чтобы не встревожить Наполеона и продлить палубное для него пребываніе въ Москвѣ до наступленія зимы.

Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ партизановъ былъ Фигнеръ, неумолимо-безопасный къ захваченнымъ имъ плѣннымъ. Ожесточенію его сочувствовали однако лишь немногіе молодые люди; большинство же офицеровъ щадили жизнь плѣнныхъ, а солдаты, по свойственному русскому челоувику добродушію, не только обращались съ ними ласково, но и надѣляли годовыхъ сухарями и водкою, помня русскую поговорку: „лежачаго не бьютъ“. Впрочемъ, Фигнеръ былъ офицеръ съ большими достоинствами, превосходный и рѣдкій по неустрашимости воинъ. Плѣнныхъ истреблялъ онъ не по внушенію злобаго сердца, а по ожесточенному чувству къ врагу отечества, и притомъ приносилъ въ жертву своей ненависти однихъ французовъ, милуя нѣмцевъ, итальянцевъ и другихъ чужеземцевъ, насильно приведенныхъ Наполеономъ. Какъ партизанъ, Фигнеръ оказалъ незабвенныя услуги.

Между тѣмъ, Толль и Бенигсенъ, убѣдившись въ неполюности расположенія Мюрата при Вилковѣ, предложили Кутузову быстро атаковать его и уничтожить. Атаку назначено было произвести 4-го октября; къ сожалѣнію, непріятель узналъ о нашихъ приготовленіяхъ и принялъ мѣры предосторожности. 5-го октября, вечеромъ, Кутузовъ сѣлъ на коня — въ первый разъ съ того времени, какъ я поступилъ къ нему въ свиту — и поѣхалъ осматривать позицію арміи и возведенныя укрѣпленія. Въ эту минуту появился надъ престарѣлымъ фельдмаршаломъ орелъ; довольно долго парилъ надъ нимъ, кружился около него, не обнаруживая страха, и только по временамъ путался сверкавшей зарницы. Появленіе орла при яркомъ свѣтѣ зарницы было принято за счастливое предзнаменованіе, и молва о томъ пронеслась по всей арміи (*). Ночью Кутузовъ оставилъ

(* Сказаніе объ орлѣ, парившемъ надъ Кутузовымъ, запутаю противорѣчивыми свидѣтельствами до такой степени, что вѣтъ возможности добраться до развѣ-

свою главную квартиру въ Летаевскѣ и расположилъ бивуакомъ на открытой полянѣ.

На другой день, рано утромъ (6-го октября), Беннигсенъ тремя корпусными выстрѣлами, подавъ сигналъ къ атакѣ. Самъ онъ долженъ былъ атаковать Мюрата съ фронта и лѣваго фланга, а генералъ Мвимеръ Замошеской и графъ Орловъ Даниловъ имѣли назначеніемъ ударить одновременно французамъ въ тылъ. Однако совокупность движеній не осуществилась, и только часть диспозиціи была выполнена. При самомъ началѣ атаки палъ храбрый генералъ Батловуль; друшія войска пришли несвоевременно и не туда, куда слѣдовало. Тѣмъ не менѣе результаты дня были весьма значительны: мы овладѣли тридцатью тысячами орудіями и обозомъ, въ томъ числѣ и лучшей дорожкой неолонинскаго. Въ ней наши приготовленную конницу

вспомогательнаго вопроса: гдѣ и когда именно это случилось? Михайловскій, Данилевскій, состоявшій, какъ известно, при главной квартирѣ Кутузова, относить появленіе орла къ моменту перваго прибытія фельдмаршала къ арміи, въ *Паревомъ-Займищѣ*. «*Въ то время небо*—говоритъ онъ—*видѣлся огромный орелъ и парилъ надъ Кутузовымъ: куда онъ, туда и орелъ. Князь снялъ свою блудную оурагу, и привѣтствовалъ царя пернатыхъ, какъ вѣстника успѣховъ, и провозгласилъ: ура! Полки повторили восклицаніе.» (Описаніе отечественной войны, II, 200—201, перваго изданія.) Князь Голицынъ (Александръ Борисовичъ) находившійся у Кутузова въ бездѣльныхъ ординарахъ, рассказываетъ: «Когда въ первый разъ, Кутузовъ обзрѣвалъ позицію *подъ Бородино*—это было *послѣ обѣда*—исполненскій орелъ парилъ надъ нимъ. Куда онъ, туда и орелъ. Антѣдетъ первый закѣпять это, и толкамъ не было конца. Орелъ этотъ предвѣщаетъ вѣжкороще» (Историческія частіи отечественной войны, соч. генерала М. Богдановича, II, 530—531, перваго изданія.) Наконецъ, Давенштеръ, также стоявшій при фельдмаршалѣ, говоритъ о появленіи орла недалеко отъ *Тарушина*, и притомъ *подъ вечеръ*. Такимъ образомъ, три современника относятъ одинъ и тотъ же фактъ къ тремъ различнымъ моментамъ и къ тремъ различнымъ мѣстностямъ. Генералъ Богдановичъ, осторожный и строгій критикъ историческихъ матеріаловъ, хотя и упоминаетъ объ орлѣ, летавшемъ надъ Кутузовымъ при *Паревомъ-Займищѣ*, но единственно какъ о преданіи, прибавляя, что *будто бы* поднялся орелъ надъ головою Кутузова (II, 126). Спеціалістъ Баршардъ пишетъ: «По всей обширной матеріи распространялось вѣдѣе, будто, большой орелъ не только парилъ надъ головою престарѣлаго фельдмаршала, но и сопровождалъ его во время смотра арміи (при *Паревомъ-Займищѣ*). Михайловскій, Данилевскій, повидимому, серьезно выдаетъ этотъ «клевъ» за исторію. Отвѣщая помолчательнымъ, прозаическимъ не видамъ орла, а какъ бы достоверно, за все, что въ обозѣ Кутузова не было клѣтки съ дрессированнымъ орломъ, въ родѣ орла, игравшаго роль при одномъ новѣйшемъ историческомъ событіи, то и должны отнестъ это поэтическое событіе къ области сарб.» (Denkwürdigkeiten aus dem Leben des C. F. Grafen von Toll, II, 9—10.) Впрочемъ, фактъ, самъ по себѣ, такъ маловаженъ, что и при положительной, и при отрицательной сторовѣ своей не увеличиваетъ и не умаляетъ славы Кутузова; онъ можетъ только служить образчикомъ того, какъ трудно бываетъ исторіку согласовать между собою противорѣчивыя сказанія современниковъ. (Прим. редакт.)*

обдранныхъ конекъ. Съ изумленіемъ и помертвѣнскъ поглядывали наши солдаты на эти съѣстные припасы французовъ; конки были брѣшны собаками.

Я находилъ при князѣ въ ту минуту, когда, во время уже начавшагося боя, генераль Ермоловъ сталъ доказывать необходимость энергически атаковать остальными войсками. Фельдмаршалъ гнѣвно и близко подъѣхалъ къ Ермолову и, махая указательнымъ пальцемъ, говорилъ: „У васъ только и рѣши что объ атакахъ да атакахъ, а не понимаете вы, что мы еще не готовы къ нимъ, что сложныя дѣйствія не по частямъ маневрированіе вообще не надеждь! Нынешній день вновь подтвердилъ это, и мнѣ жалко, что я послушался Бенигсенъ“. Блггетатрными послѣдствіями дня еще не были извѣстны князю; онъ видѣлъ только отсутствіе единства въ исполненіи первоначальнаго плана и не могъ знать, что Орловъ-Денисовъ и Меллеръ-Закомельскій исправили, по возможности, ошибку. Фельдмаршалъ посылалъ адъютанта за адъютантомъ къ Бенигсену, однако они не находили его на указанномъ мѣстѣ, потому что атака много подвинулась между тѣмъ впередъ.

Наконецъ и до насъ достигло извѣстіе о поспѣшномъ отступленіи Мюрата, и тогда фельдмаршалъ приказалъ двинуться кавалеріи Корфа и Васильчикова; но благоприятный моментъ уже былъ упущенъ, французы миновали дефенду Воронова и отступили въ изрядномъ порядкѣ. Кутузовъ сошелъ съ лошади, Платовъ, прибывшій въ эту минуту, приказалъ разослать коверъ и поставить два стула. Вслѣдъ затѣмъ прискакалъ Бенигсенъ и возвѣстилъ объ удачномъ сраженіи. Князь всталъ со стула, подошелъ къ нему и сказалъ: „генераль, вы одержали прекрасную побѣду: мой долгъ—поблагодарить васъ; государю принадлежитъ—наградить васъ“. Бенигсенъ, раздраженный тѣмъ, что фельдмаршалъ своею нерѣшительностію и медлностію почти выпустилъ изъ рукъ побѣду, отвѣчалъ холодно и просилъ дозволенія удалиться на нѣсколько дней по причинѣ полученной сильной контузии. Когда князь изъяснилъ на это согласие, Бенигсенъ увѣчалъ: онъ даже не ехалъ съ коня и не сообщилъ никакихъ подробностей о ходѣ боя.

Въ арміи говорили съ неудовольствіемъ, что, при большемъ единствѣ и настойчивости въ исполненіи, мы могли бы истребить подъ Тарутиномъ часть французской арміи и взять въ плѣнъ Мюрата; однакожь приобретенныя выгоды все-таки были,

утѣшительны: покрайней мѣрѣ теперь мы убѣдились до очевидности въ степени разстройства французскихъ войскъ.

Вечеромъ 11-го октября получено было неожиданное приказаніе бросить лагерь и укрѣпленія и идти влѣво. Мысль, что это движеніе означало отступленіе, смутила нѣсколько умъ; притомъ распространился слухъ, что Наполеонъ направляется на Малоярославецъ, съ цѣлю зайти намъ во флангъ и предупредить насъ въ Валуцѣ, чѣмъ онъ отрѣзалъ бы арміи прямыя сообщенія съ южными губерніями и открылъ бы себѣ обильные источники продовольствія въ неразоренномъ краѣ. Мы шли всю ночь и къ утру достигли ближайшихъ окрестностей Малоярославца. Здѣсь фельдмаршалъ остановилъ колонны и послалъ Коновницына осмотрѣть позицію непріятеля. Я получилъ приказаніе сопровождать генерала и возвратиться къ князю съ собранными свѣдѣніями. Часть города мы нашли занятою войсками вице-короля итальянскаго и должны были вытерпѣть порядочный ружейный огонь. Генералъ Ермоловъ, уже находившійся здѣсь, поручилъ мнѣ взять изъ корпуса Дохтурова Орловскій полкъ и ввести его въ городъ на подкрѣпленіе нашихъ егерскихъ полковъ. Генералъ Талызинъ поддержалъ нашу атаку своею бригадою. Вскорѣ мы очутились въ сильнѣйшей рукопашной схваткѣ и въ ожесточеннѣйшемъ бою. Городъ неоднократно переходилъ изъ рукъ въ руки; улицы были завалены убитыми; плѣнныхъ почти не было.

Только теперь послалъ меня Коновницынъ къ фельдмаршалу съ донесеніемъ о случившемся и съ просьбою двинуть свѣжія войска. Князь тотчасъ же двинулъ бѣглымъ шагомъ сначала корпусъ Раевского, потомъ всю армію и самъ сѣлъ на лошадь. Когда онъ проѣхалъ впередъ на столько, что пули стали перелетать черезъ наши головы, генералъ Торماسовъ (вызванный для занятія мѣста Ваграціона) и тайный совѣтникъ Ланской замѣтили ему объ опасности; но онъ не обратилъ на ихъ слова вниманія, продолжалъ слѣдить за ходомъ боя и хладнокровно отдавалъ приказанія. Прибывшія съ фельдмаршаломъ войска расположились вкругомъ города, имѣя позади себя новую калужскую дорогу.

Во время движенія впередъ, князь приказалъ мнѣ взять нѣсколько казаковъ изъ своего конвоя, проринуть, какъ можно далѣе, къ крайнему лѣвому флангу непріятеля, высмотрѣть его

движенія и донести о замѣченномъ. Я уже далъ шпоры своему коню, когда фельдмаршалъ воротилъ меня и сказалъ: — „Обратите вниманіе на силу непріятеля, на его движенія и постарайтесь угадать его намѣренія; но фантазія тутъ не у мѣста: рекомендую глазомѣръ и соображеніе и надѣюсь на вашу провидательность“. Счастіе мнѣ благопріятствовало: переправившись черезъ Лужу, я успѣлъ пробраться далеко на лѣвый непріятельскій флангъ. Не могу не сознаться, что и прежніе отзвѣвы князя, и послѣднія слова его, ко мнѣ обращенныя, внушили мнѣ мысль, которая неволью имѣла вліяніе на мои наблюденія. Вездѣ въ движеніяхъ непріятельской арміи, ну сколько обнималъ глазъ, я думалъ видѣть намѣреніе отступити и потому, возвратившись къ фельдмаршалу, выразилъ ему мое мнѣніе въ этомъ смыслѣ. Кутузовъ улыбнулся самодовольно и, обращаясь къ окружающимъ его, сказалъ: — „Ну, господа, а я что говорилъ вамъ? Что вице-король дерется только ради отступленія, что Наполеонъ уклоняется. Вотъ и адъютантъ мой, который былъ вблизи непріятеля, говоритъ то же самое“. Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, фельдмаршалъ прибавилъ: — „Я не премину засвидѣтельствовать предъ его императорскимъ величествомъ о вашемъ усердіи и о вашей провицательности“.

Такъ какъ бой въ Маджарославцѣ и около него все еще продолжался, то князь рѣшился смѣнить корпусъ. Дохтурова, много пострадавшій, корпусомъ Бороздина и 3-й дивизіей князя Шаховскаго. Коновницынъ, вѣрный своей пламенной ревности быть всегда на опасномъ мѣстѣ, отправился руководить дѣйствіями войскъ. Я получилъ приказаніе сопровождать его. Въ продолженіе нѣкотораго времени стояли мы подъ такимъ сильнымъ огнемъ, что адъютантъ генерала, Ржевскій, былъ раненъ, а у меня сорвало пулею наконечникъ сабли. Нельзя было, въ такихъ случаяхъ, довольно налюбоваться Коновницынымъ: ничто не могло смутить и поколебать его; въ колпакѣ, прикрытомъ щитомъ, и съ трубкою въ зубахъ, онъ не отличался величавою наружностію, но одушевлялъ солдатъ сердечнымъ словомъ, хладнокровнымъ мужествомъ и блистательнымъ примѣромъ, который подавалъ собою предъ непріятелемъ. Вице-король, поддержанный двумя дивизіями корпуса Даву (Жерара и Компана), не взирая на наши отчаянныя атаки, удержался на развалинахъ города; намъ же принадлежали крайніе дома и огороды. Обоюдный огонь длился до десяти часовъ вечера.

Кутузовъ, съ главными силами, занялъ позицію въ полуторѣ верстѣ отъ мѣста сраженія и расположился бивуакомъ. Здѣсь имѣлъ онъ живой споръ съ исправляющимъ должность генераль-квартирмейстера Толлемъ, только что произведеннымъ въ генераль-майоры. Толль настаивалъ на томъ, чтобы двинуть впередъ всю армію, отбросить непріятели за Дужу и преслѣдовать Наполеона, когда обнаружится его отступление, всѣми силами; а относительно диспозиціи, которую надлежало приготовить къ вечеру, Толль рѣзко замѣтилъ: — „Я не знаю что мнѣ писать: по моему мнѣнію, есть только *одна* диспозиція: идти впередъ и истребить непріятели“. Престарѣлый фельдмаршалъ, легко поддававшійся гнѣву и въ такомъ случаѣ не знавшій мѣры своимъ словамъ, на этотъ разъ остался спокойнымъ и старался охладить пылкость своего генераль-квартирмейстера, къ которому питалъ истинно-отеческую любовь. Онъ просилъ Толля „не упрямиться, сдѣлать то, что отъ него требуютъ“, при чемъ повторилъ свою любимую поговорку: „построить бѣгущему непріятели золотые мосты“. Толль однако все еще настаивалъ на своемъ; но въ эту самую минуту приискалъ съ поля сраженія Бенигсенъ и съ какою-то торжественностію сказалъ: „Господинъ фельдмаршалъ, поздравляю со второю половиною Эйлау, которую завтра приготовить вамъ Наполеонъ! Французы намѣрены, во что бы то ни стало, удержаться въ Малоюрославцѣ и утромъ дать вамъ сраженіе“. — „Слышите! — воскликнулъ Кутузовъ, обращаясь къ Толлю съ насмѣшливою улыбкою, которая однако относилась болѣе къ Бенигсену — слышите: вотъ опытный генераль говоритъ, что непріятели хотятъ завтра атаковать меня. Ну, какъ же я, очертя голову, брошусь словно отчаянный гусарь? Нѣтъ, нѣтъ, я долженъ приготовиться встрѣтить его.“ И, слегка потрепавъ Толля по плечу, прибавилъ: — „Любезный генераль, подите и напишите все, о чемъ я говорилъ вамъ“.

Бенигсенъ крѣпко ошибся въ своемъ ожиданіи видѣть двойника эйлаускаго боя. Непріятели, предупрежденный въ своихъ замыслахъ на Калугу, дрался теперь единственно для того, чтобы уйти по-добру по-здорову, и о чемъ фельдмаршалъ догадывался и что я, какъ сказано, думалъ замѣтить, то теперь исполнилось на дѣлѣ. Ночь Кутузовъ провелъ, со всѣмъ своимъ штабомъ, въ полѣ, подъ звѣзднымъ небомъ. Погода стояла теплая, какъ лѣтомъ, и несправедливо утверждаютъ тѣ, которые

говорятъ, будто французы мерзали уже подъ Тарутинномъ и въ Малоярославцѣ. Бѣда эта началась для нихъ гораздо позже, преимущественно на Березинѣ. Вѣрно погода была хороша, если почти семидесятилѣтній фельдмаршалъ могъ, безъ опасенія для своего здоровья, провести ночь на открытомъ воздухѣ.

Утромъ 13-го октября, когда Кутузовъ завтракалъ, полковникъ Кайсаровъ явился съ извѣстіемъ объ удачномъ дѣлѣ Платова на крайнемъ правомъ флангѣ непріятеля. Платовъ ваялъ у французовъ одиннадцать пушекъ и находился теперь на ихъ коммуникаціонной линіи. Во время своихъ удачъ набѣговъ въ самую средину непріятельской маршевой линіи, казаки едва не захватили Наполеона; защищавшій его адъютантъ, Раншъ, сдѣлался, зарубленный, съ лошади.

Кутузовъ, опасаясь, чтобы Наполеонъ не задержалъ его при Малоярославцѣ и потому не попытался бы пройти черезъ Медынь на Калугу, отступилъ, на слѣдующее утро, къ Денину, гдѣ былъ ближе къ дорогѣ изъ Медыни въ Калугу, отступилъ въ тотъ самый моментъ, когда и французская армія вернулась вспять. Такимъ образомъ, Малоярославецъ сталъ поворотною точкою французскаго военнаго счастья. Наполеонъ, какъ рассчитывалъ нашъ фельдмаршалъ, не отважился идти далѣе, потому что открыть себѣ путь въ хлѣбородныя губерніи онъ могъ только черезъ русскую армію. По совѣту своихъ вліятельнѣйшихъ генераловъ, онъ предпочелъ пробраться поскорѣе на прежнюю дорогу. Почему Наполеонъ не рѣшился отгѣснить Кутузова и слѣдовать черезъ Медынь, Южновъ и Ельню, остается загадкою: здѣсь и дорога была короче, и край обильнѣе; здѣсь же онъ нашелъ бы и нѣкоторые изъ своихъ запасовъ, сдѣланныхъ по его прежнимъ приказаніямъ. На этомъ пути Кутузовъ тревожилъ бы его не болѣе, какъ и на другомъ.